

*Снежонок таленький
На тай-проталинке,
Весенний мой
Дружонок дальний,
Ты где удаленький,
Ласканный мой
(Девичья)*

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования в поэзии В.В. Каменского выполняют функции, характерные для русского словообразования в целом: номинативную, конструктивную, компрессивную и экспрессивную. Они называют новые реалии, заменяют синтаксические структуры, сокращают уже имеющиеся в языке номинативные единицы, кроме того, с их помощью поэт выражает свое отношение к тому или иному предмету, событию или явлению.

Литература

1. Намитокова, Р.Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование / Р.Ю. Намитокова. – Майкоп, 1988. – 406 с.
2. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
3. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. Изд-е 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
4. Каменский, В.В. Сочинения. Репринтное воспроизведение изданий 1914, 1916, 1918 гг. С приложением. – М.: Книга, 1990. – 592 с.
5. Каменский, В. Стихотворения и поэмы. – М. –Л.: Советский писатель, 1966. – 499 с.

В.К. Харченко

НЕИССЛЕДОВАННОЕ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Аналитический интерес к разговорному дискурсу растёт как в отечественной, так и в мировой лингвистике. Исследования различных структур языка всё чаще проводятся на базе разговорной речи, которая вносит свои краски в общую дискуртологию, поставляя свои результаты по части считывания языка повседневности, обнажающего эстетику, этику и философию общения носителей языка. Вместе с тем как объект изучения разговорная речь обнаруживает и массу неисследованных сфер, областей анализа. Попробуем некоторые из них охарактеризовать.

Известно, насколько цитатна современная русскоязычная разговорная речь, об этом свидетельствуют писатели, учёные, поменявшие ПМЖ и «голодающие» по богатой разговорной стихии русского языка. Пронаблюдать эту цитатность можно и на основе составленной нами Базы данных, включающей на данный момент свыше 3,6 тыс. высказываний [Харченко 2012].

«Белое пятно» в этом плане открывает вопрос: цитатность – перманентное свойство русскоязычного стиля общения или же это завоевание последних 30 лет, веяние постмодернистских тенденций? Трудность ответа заключается в том, что непросто найти материал, отражающий разговорное пространство 30-х, 40-х, 50-х годов XX века хотя бы в отдельных его фрагментах.

Далее, не исследована разговорная речь отдельных страт. Лингвистика разговорной речи долгие годы ориентировалась на давнюю советскую триаду: рабочие, колхозники, интеллигенция. Такая ориентация была отнюдь не случайна: чем крупнее объекты, тем виднее отличия. Но так как рядом с исследователем преимущественно были интеллигенты, то они и попадали в поле зрения [Русская разговорная... 1983]. Историкам и социологам для исследования понадобились уже не классы, а более узкие, чёткие группы соотечественников. Л.Н. Гумилёв выделил такое звено, как субэтноты [Беляков 2012: 114]. Современная социология выделяет не классы, а значительно более мелкую единицу – страты. Критерием деления общества на страты чаще всего называют профессию, доход, образование, престиж самооценку личности своей социальной позиции и др. Основа слоя – отношение к распределению прав, собственности, обязанностей, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти, влияния внутри общества. На материале страт была исследована семантическая структура приложений: *шофер-телохранитель, водитель-охранник, врач-фониатр* при недопустимости *«хирург-любитель»* [Чумакова 2001: 85]. Подобные срезы набирают сейчас обороты. Это изучение речи российских предпринимателей [Милехина 2006], изучение мегафор и чёрного юмора врачей [Лебедева, Зубкова 2006], изучение некодифицированной лексики водителей автотранспорта [Шакирова 2012: 26-29]. Анализу подвергаются цитаты и реминисценции в речи профессиональных филологов, при этом рассматривается как упрощение, «выпрямление» литературного образа, так и комплексные ассоциации [Рут 2012: 236-237]. Признаемся, что и в нашей базе данных речь филологов представлена на порядок богаче, нежели речь иных слоёв населения. Итак, чем отличается речь реализаторов на рынке от речи «официальных» продавцов? Безусловно, большим числом вокативов-метафор (*рыба моя, солнышко, зая*), большим числом диминутивов (*жениночка, размерчики, тремпечки*), новой профессиональной фразеологией (*брось глаз в. присмотри за модулем*). Мужчины и женщины, торгующие в поездах, говорят несколько иначе. Частичное совпадение имеет место, но есть и своя фразеология, и словотворчество (*Меняю газетки на монетки, рубли на хохлобаксы!*). Описание через количественные показатели и специфические речевые «изыски» при возможно большем расколе «услышанных» профессий могут дать обширный материал для социолингвистики, которая не может сводиться, как это наблюдается де-факто, преимущественно к изучению молодёжных жаргонов.

Внимательного и, по-видимому, отдельного изучения требует разговорная речь, которую можно назвать полуспонтанной. Это реплики, небольшие публичные высказывания, звучащие на совещании, во время свободной дискуссии на защитах диссертации, на заседаниях комиссий и пр. Согласимся, что такой материал традиционно провисает: это не вполне научный стиль, но и не совсем

«разговорщина». Электронная база даёт материал для изучения феномена полуспонтанности.

Интересной, но и теоретически сложной может стать проблема исследования размерности в разговорном дискурсе. Чего больше: гипербол или литот? Чем они отличаются от их художественных аналогов? Их гендерная специфика? Их динамика по пятилетиям, десятилетиям? Гипербола и интенсив, их «разводка»? Литоты и диминутивы, литоты и... такой способ глагольного действия, как неполнота или не-интенсивность?

Далее, слабо исследованной областью является анализ звукоподражаний в разговорном дискурсе. Каким стратам она больше свойственна? Насколько частотна при сплошном сборе материала? Что говорящий чаще имитирует? Мужчины или женщины чаще живописуют звуком? И объединяющий, общий вопрос: зачем мы, взрослые люди, хорошо владеющие языком, сохраняем искусство звукоподражания? Проще всего ответить, что это языковая игра, один из её вариантов. Но первый посещающий нас ответ далеко не всегда глубок и точен. Скорее всего, звукоподражание – это отголосок древнейшего «владения» голосовым аппаратом. Это как инстинкт, сохраняющийся инструмент создания языка, с одной стороны, и это своего рода отдых от вербализованных конструктов с их ЛЗ, ГЗ – с другой.

«Белым пятном» является исследование разговорной составляющей так называемого конфронтационно-невротического дискурса. «Ненавидящий индивид одержим иллюзией, что если устранить ненавидимое лицо (или явление), то сразу воссияет солнце благодати. Нам кажется, что мы бы увидели небо в алмазах, если бы не мерзкие происки тёщи, начальника или президента». «Да, как ни странно, аффективное обличение чужих пороков зачастую приобретает характер исповеди, и мало в чём человек раскрывает свою подноготную так, как в невротической критике окружающих – будь то родственники, соседи или представители власти» [Большев 2012: 123-124]. Приведём высказывания из конфронтационно-невротического дискурса. Беседа с индивидуальным предпринимателем: *Гостиницы восемь звёзд с плюсом! Шейхи отдыхают. Украдено всё, что можно, и по несколько раз. (10.05.12)*. Беседа у реки, мужчина, лет 65: *И так у них прибыль, а увеличивают тариф. Это всё с позволения наших соловьёв! Путин говорит: комиссии пусть следят, а сами... (21.07.12)*. Две женщины, лет 45, с девочкой лет 7 подходят к бронзовой скульптуре дворника с котом: *Кто кошку погладит, желания сбываются! – Тенё-ёк! – Стань, загадай же, погладь (дочке)!* Мимо идёт женщина, лет 60, зло: *Кому делать нечего – статуи лижет!* Продавщица сувениров с упрёком: *Челове-ек, тоже мне! (24.07.12)*. Именно в спонтанных диалогах повседневной речи, газетном дискурсе и выступлениях на митингах наиболее полно проявляет себя требующий изучения конфронтационно-невротический дискурс как словесное выражение невротической ненависти и, добавим, как словесное выражение и такой особенности русского менталитета, как перекладывания вины на другого, других.

В качестве ещё одного «белого пятна» коллоквиалистики, которое, к сожалению, во многом уже не восстановимо, может быть расценена речь интеллигентов-переселенцев и их потомков. Эту неизученность подсказала

повесть Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», где один из фрагментов воспоминаний как раз посвящен прекрасному русскому языку «колониальных белых», то есть переселенцев, репрессированных, а также лиц, приехавших в те края на работу и постоянное место жительства. «Вот разве что отличало и отличает всех этих бывшегашкентских скитальцев... – это правильная русская речь... потому что из года в год прибывало туда волнами разных штормов множество непростой и штучной публики. Кого только не приносило: офицеров русской армии Кауфмана, а с ними – целый отряд новоиспечённых «иностранцев», всех этих, закончивших Оксфорды-Кембриджи, деток киевских, одесских и прочих коммерсантов... А эвакуированные писатели, кинематографисты, актёры, учёные! Да и просто нормальные грамотные люди, занесённые сюда ветрами исторических потрясений!» [Рубина 2006: 366]. Нигде больше писательница не встречала такой пластики речи, такого пиетета к произносимому слову, как в Ташкенте 50-х, 60-х и 70-х годов XX века. Итак, парадокс, требующий от филолога-прикладника как минимум сбора материала: русский язык в его лучшем варианте существовал... за пределами России! Эта мысль перекликается с ещё одним парадоксом. Лучшими знатоками русского языка оказывались люди смешанной крови. «Почему так ярко воспринимают русскую национальность люди смешанной крови – Даль, Гершезон, даже Пушкин? Потому, что смесь разных кровей даёт возможность рельефного, стереоскопического видения» [Ельчанинов 1996: 66]. Видимо, не только «состав» крови, но и блестящее знание иностранных языков работает на оценку родного языка, что становится редкостью даже среди филологов. «Память рода неистребима. Она, генная память, у всех людей неистребима. И Никон помнил, что он мордвин, и Некрасов – что поляк, и Аракчеев – что армянин, и Борис Годунов – что татарин, и Николай Романов – что датчанин» [Аннинский 2006: 286]. Феномен гетерозиса, межэтнических браков нередко работает ещё и на языковую личность человека «смешанных кровей», хотя феномен этот по-прежнему не изучается.

Ещё на одно «белое пятно» в исследованиях разговорной речи нас натолкнула реплика в магазине компьютерщика своему приятелю: *Типа? С какой стати ты начал «типа» вставлять? Кстати, какая разница «на обеде» и «типа на обеде»?* (15.07.12). Аналогичный пример был записан ранее: *«На «Родине»! Как мы говорим! Надо: на остановке «Родина»! Чуткость русского человека к слову удивительна. В лингвистике детской речи немало исследований посвящено метаязыковой деятельности ребенка, издан сборник [Дети...]. Однако проблематика метаязыковой деятельности взрослых носителей языка даже не ставится, хотя материал в перспективе можно собрать под самые разные рубрики: оценка говорящим нормативности вокатива, выразительности метафоры, точности термина. И всё это целесообразно исследовать с гендерной и профессиональной проекцией. В каких ситуациях говорящий «вдруг» обращает внимание на слово? В этом плане много материала даёт оценка имени человека. Отдельная субтема – метаязыковая рефлексия профессиональных филологов. Доцент-филолог: *Обсуждение было бурнейшим, если есть такое слово...**

(25.05.12). Профессор: *Меня надо было назвать не Татьяна, а Ольга. Потому что Фёдоровна. Ольга Фёдоровна!* (01.03.12).

Далее, «белым пятном» в исследовании разговорного дискурса остаётся анализ используемой говорящими персониферы, которая, по-видимому, существенно отличается от упоминаний 30-40-50-летней давности. Проблему персониферы поставил Г.Г. Хазагеров [Хазагеров 2002: 132-145]. Конечно, этот феномен можно изучать по художественным текстам, публицистике, но разговорная речь становится надёжным зеркалом изменений в этой области преломления культуры. Удивительно, как мало примеров персониферного толка в общем корпусе высказываний, например, за три месяца 2012 г.: ...*терпение, как у Богородицы* (реплика доцента-филолога), *как Плюшкин* (реплика профессора филолога), *Я не Рокфеллер* (реплика прохожего)! Жаль, что подобные срезы за прошлые годы отсутствуют, но то, что подобные сравнения идут на убыль, – факт очевидный.

Литература

1. Аннинский Л. На полях Холокоста. Заметки читателя // Иностранная литература, 2006, № 10.
2. Большев А.О. Наука ненависти // Нева, 2012, № 4.
3. Беляков С. Лев Гумилев // Новый мир, 2012, № 4.
4. Дети о языке: Приложение № 2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике. – СПб.: «Союз», 2001. – 144 с.
5. Ельчанинов А. Записи. – М.: Изд-во Срептенского монастыря, 1996.
6. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке: Курск: Изд-во КГУ, 2006. – 129 с.
7. Милёхина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур). Дис. ...д-ра филол. наук. – Саратов, 2006. – 484 с.
8. Рубина Д. На солнечной стороне улицы. Роман. – М.: Эксмо, 2007.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: «Наука», 1983. – 237 с.
10. Рут М.Э. Языковая личность филолога: извилистые тропы литературных ассоциаций // Лингвистика креатива Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 234-237.
11. Хазагеров Г.Г.. Персонифера русской культуры // Новый мир, 2002, № 1. – С. 132-145.
12. Харченко В.К. Электронная база «Мозаика разговорной речи: материалы для исследования». Зарегистрирована в Федеральной службе по интеллектуальной собственности 19 сентября 2012 г. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620966.
13. Чумакова Ю.А. Семантическая структура приложений в русском языке. Дис. ...канд. филол. наук. – Елец, 2001.
14. Шакирова З.И. Состав и структура профессионального неcodифицированного подъязыка водителей автогранспорта // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012, № 1. – С. 26-29.